Весь включенный в указатель материал (24 322 названия) просмотрен de visu, снабжен сведениями об имеющихся рецензиях. Широко применяется система перекрестных ссылок, которая значительно увеличивает поисковые возможности читателя. Во вступительных статьях к каждому тому дается общая характеристика литературы по русскому фольклору за соответствующий период.

Таким образом, указатель библиографическими средствами отразил состояние, масштабы, проблематику, внутреннюю логику документального массива, а следовательно, и самой науки. Обнаруживая «белые пятна», он привлекает внимание исследователей к недостаточно изученным явлениям и проблемам, таким, как художественный метод русского фольклора, типы художественного мышления народа, эволюция фольклорных признаков внутри того или иного жанра, соотношение понятий «традиционный фольклор» и «новый фольклор» и т. п.

Таким образом, библиография помогает определить направления дальнейшего развития советской науки о фольклоре, что свидетельствует о большой научной значимости указателя.

С выходом последней книги указателя завершено библиографическое описание русской фольклористики с начала XX в. по 1975 г. Необходимо продолжить этот труд и составить библиографию публикаций и исследований по русскому фольклору и фольклористике XVIII и XIX вв.

А. И. Лизарев, Г. А. Губанова

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Этнографические исследования развития культуры/Отв. ред. Першиц А. И., Тер-Акопян Н. Б. М.: Наука, 1985. 263 с.

Понятие «культура» многозначно, оно не может быть определено одним адекватным термином или описано в исчерпывающем кратком определении. Это связано с тем, что в область, охватываемую понятием «культура», входят все основные формы и сферы жизнедеятельности коллективов и общества в целом. «Культура» по-разному трактуется также в различных отраслях общественных наук. Отсюда огромный интерес исследователей к обнаружению общих закономерностей и их стремление к единому пониманию культурных явлений при разработке проблем отдельных гуманитарных дисциплин и проведении интердисциплинарных исследований. Именно в интердисциплинарном подходе кроется одна из наиболее сильных сторон данного сборника статей, написанного коллективом высококвалифицированных специалистов — этнографов, философов, искусствоведов, историков.

В редакционном предисловии указано, что в центре внимания исследователей стоят «две группы вопросов: развитие культуры в общем процессе движения общественно-экономических формаций и коренные изменения в ней на межформационных рубежах» (с. 3). Однако это ограничение в некоторых отношениях чрезмерно, что выявляется уже в самом предисловии. В работе сделан упор на рассмотрение «порубежной» тематики, в частности, в связи с переходом от первобытности к классовому обществу, но в самих текстах статей очень ярко выявляется еще одно ведущее методологическое направление — проблема соотношения между представлениями о культуре как процессе становления общего прогресса человечества и его локальными проявлениями, отраженными в отдельных обособленных либо взаимосвязанных человеческих коллективах-этносах. Более того, можно уловить и другое направление, разработка которого представляет огромный интерес в социологическом и историко-политическом планах: выявление конкретного положительного вклада отдельных этнических и региональных групп в общий историко-культурный прогресс человечества. Эти вопросы, являющиеся компетенцией философских, культурологических исследований, подняты в данном сборнике на высоту интердисциплинарных проблем.

Так, статья Э. С. Маркаряна «Соотношение формационных и локальных исторических типов культур» (с. 7—30) продолжает теоретическую разработку проблем культуры, ведущуюся этим исследователем. Он анализирует закономерные соотношения между единым для развития человечества путем последовательного перехода от одной общественно-экономической формации к более высоким и локальным историческим (в том числе и этническим) формам развития культуры. Движение в этой последней форме развития характеризуется постепенным преодолением рамок этнической ограниченности, появлением надэтнических форм культуры, складыванием межформационной (в пределах единого хронологического среза) области культуры (общих для капиталистического и социалистического типов), «охватывающей определенные сферы материальной технологии, средств коммуникаций и т. д.» (с. 16). Рассматривая культуры на их локальном уровне, автор подчеркивает особое значение в них адаптационных и адаптирующих свойств, представляющихся даже избыточными в условиях неизменных или медленно, эволюционно меняющихся обстановки и среды, но совершенно необходимых при резких переменах условий жизнедеятельности и существования для обеспечения выживания традиционных форм. Автор прогнозирует пути дальнейшего развития поливариантных этнических и региональных культурных традиций в направлении приведения их в «соответствие с глобальными требованиями», считая, что «централь-

ная общая задача, вставшая перед человечеством, заключается в необходимости научно обоснованной адаптивной самокоррекции в уникально быстро изменяющихся условиях существования в современном мире» (с. 20). Релятивистским концепциям культуры, в которых при сравнении различных локальных типов не учитываются реальные (и идеальные) возможности их стадиального соотнесения, автор противопоставляет строго разработанные принципы, служащие для сравнения локальных традиций, для установления реальной эквивалентности локальных типов культур.

Более детальной разработке и конкретизации отдельных теоретических положений Э. С. Маркаряна посвящены следующие две статьи сборника: С. А. Арутюнова «Инноваций в культуре этноса и их социально-экономическая обусловленность» (с. 31—49) и А. И. Першица «Возможен ли формационный подход к социальным ценностям этнической культуры?» (с. 50—63).

С. А. Арутюнов, выявляя в этнической культуре сферы, обусловленные спецификой данного этноса и нейтральные к этнической принадлежности, стремится на основе большого числа конкретных этноисторических примеров дать исчерпывающую характеристику механизма формирования культурных инноваций и процесса их внедрения в культуру этноса. Во всякой инновации автор закономерно видит определенную форму трансформации отдельных подсистем (или сфер) культуры этноса. Причинами трансформаций могут являться достижения определенного этапа социально-экономического развития, специфика исторической обстановки, изменения в природной среде (т. е. в конечном счете потребность в скорейшей адаптации к изменившимся или изменяющимся условиям). Системой всего комплекса особенностей, обеспечивающих нормальную деятельность коллектива и надежность его адаптации к определенным условиям, задается специфика трансформаций, которые можно подразделить на спонтанные изменения, возникающие в процессе внутреннего развития этноса, на стимулированные извне перемены и, наконец, на заимствования. Особенности внедрения инноваций, восприятие и использование их этническим коллективом зависят от вышеуказанных факторов, выступающих в системном единстве, и от специфики внутренней жизни этнической группы, ее демографических, территориальных параметров, стойкости внутренних взаимосвязей, характера взаимодействия с окружающими человеческими коллективами. Во многом скорость внедрения, степень усвоения и распространения инноваций определяется тем, в какие из сфер культуры этноса (производственную, жизнеобеспечивающую, соционормативную или познавательную) она проникает. Самый процесс усвоения инновации подразделяется автором на несколько фаз. Это селекция, отбор новшеств по степени их соответствия общим тенденциям развития культуры данного этноса; воспроизведение инноваций в форме простого копирования; модификация, приспособление их к специфике культуры данного этноса; что связано с воздействием инноваций на области культуры, наиболее тесно с ними соприкасающиеся, и структурная интеграция инноваций в культуру этноса (с. 41). Решающая роль в процессе утверждения инновации в коллективе принадлежит, несомненно, тому уровню социально-экономического развития, который этносом достигнут. Однако значительные различия в формах усвоения вызываются также утилитарным или престижно-знаковым характером самих инноваций. С. А. Арутюнов предложил общую методико-теоретическую разработку проблемы, и, конечно, многие частности соответствующих процессов не могли найти всестороннего отражения в данной статье. Представляется, что отдельные разработки проблемы взаимопомощи, гостеприимства, адопции, представленные в статье А. И. Першица, будут иметь большое значение для изучения стимулированных инноваций и заимствований.

Однако в целом программная статья А. И. Першица, касающаяся вышеуказанных социальных ценностей этнической культуры, посвящена проблеме острополитического звучания, ибо на примере изменений отношения к взаимопомощи, гостеприимству и адопции в докапиталистических, капиталистических и социалистических обществах А. И. Першиц показывает всю несостоятельность культурно-релятивистских концепций, прокладывающих путь к националистическим и даже расистским тенденциям. Исторический обзор указанных социальных ценностей на фоне социально-экономических формаций, сквозь которые они проходят, приводит автора к выводу, что эти ценности имеют общечеловеческий характер (тогда как «этническая культура и этническое сознание не имманентны человеческой природе» (с. 61)) и достигнут наивысшего расцвета в бесклассовом обществе будущего.

Статья В. А. Шнирельмана «Классообразование и дифференциация культуры (по океанийским этнографическим материалам)» затрагивает сложный комплекс проблем, связанных с переходом от доклассового к классовому обществу. Начало формирования социальной верхушки общества, переход от индивидуального лидерства к возникновению института вождеств вели, как указывает автор, к расчленению этнической культуры на субкультуры, формировали строго стратифицированные субсоциумы в рамках этнической культуры. В конечном итоге при всей микростратификации океанийского общества общая тенденция развития усложняющихся социальных отношений вели к формированию двух основных культур классовых досоциалистических обществ: культуры эксплуататоров и культуры эксплуатируемых [1]. Подробный анализ особенностей субкультур в пределах культуры океанийских этносов имеет особое значение еще и в силу того, что его результаты могут быть широко использованы в проведении этнокультурных и этносоциальных реконструкций на базе тех сведений о материальной культуре и обрядности, которые предоставляют исследователям все возрастающие данные археологических памятников. Продуктивность методики реконструкций общественных от-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 119—130.

ношений на базе археологического материала с помощью соответствующих этнографических данных давно уже была подтверждена М. А. Итиной [2].

Статья Л. Е. Куббеля «Традиционная потестарная и политическая культура в колониальном и современном развитии африканских государств» (с. 123—139) иллюстрирует процесс возникновения и развития инноваций в сфере социально-политических отношений в регионе субсахарской Африки. Политика капиталистических стран привела здесь к созданию колониальных обществ, в которых «привносимые капиталистические отношения накладываются на социальные отношения, характерные для более ранних классовых, а то и доклассовых общественно-экономических формаций. При этом происходит не только насильственная ломка и трансформация докапиталистических отношений и структур, но и сами капиталистические отношения приобретают порой искаженный, особенно уродливый характер» (с. 124). Традиционной потестарно-политической культуре данного региона свойственна стойкая этническая специфика и ритуализация всех функций власти, а также дробное деление территории региона на мелкие районы с обособленно проживающими этническими группами, в политическом отношении тяготеющими к автаркическим тенденциям управления. Селективный выбор новых форм «туземного» управления в условиях колонизации принадлежал только самим колонизаторам, которые руководствовались исключительно своим пониманием (а точнее, полным непониманием) местной потестарно-политической культуры, задачами получения максимальных прибылей от колоний; стремлением достичь такого баланса в управлении, который, внося раскол в среду управляемых, давал бы колониальным властям возможно больший простор для самостоятельных политических акций. В этих целях был изменен порядок наследования власти местных правителей, расширена сфера действия мусульманского права, смещены границы владений, вследствие чего прежде существовавшие единые этнические массивы оказались расчлененными. Все это вело к формированию особой «колониальной политической культуры» с ярко выраженным классовым характером и неравноправным положением входивших в нее субкультур. Но эти действия способствовали, как оказалось, тому, что традиционная потестарно-политическая культура выходила из рамок этнической ограниченности и создавала «предпосылки для формирования антиколониального политического единства» (с. 136). Все эти сложные процессы способствовали образованию в период деколонизации новых синкретических политических систем, включавших и традиционные формы, и политическую культуру эпохи колониализма. Развитие же освободившихся стран в дальнейшем определялось характером их общей ориентации на капиталистический или социалистический строй.

Проблемы возникновения научных знаний, формирования протонауки нашли отражение в статье Б. А. Фролова «От первобытных форм рациональных знаний к науке древнего мира. Историко-культурный и этнографический аспекты проблемы» (с. 140—174). Основное внимание здесь уделено первоначальному протонаучному инструментарию, основы которого составляли счет и число. Значение чисел как абстрактных символов обосновывается автором с помощью массы примеров, восходящих от палеолитической эпохи к работам античных математиков. В целом данная статья является показателем формирования нового направления в изучении древнейших этапов развития протонауки, связанных с выработкой представлений об абстрактных понятиях и первыми опытами оперирования ими в целях совершенствования производственной, бытовой и духовной культуры человечества.

В. Б. Мириманов в статье «Становление и эволюция искусства раннеклассовых обществ Тропической Африки» (с. 175, 197) на материале африканской скульптуры показывает влияние на формы и содержание древнего искусства социальных перемен, в частности, формирования раннеклассовых отношений и становления новых форм общественно-политического управления. Автор видит прямую связь между мировоззрением древних художников эпохи родоплеменного строя и спецификой их традиционного искусства, ориентированного на отвлеченные космогонические представления. В то же время «придворно»-ремесленное искусство, по его мнению, прямо увязывается с представлениями верхушечных слоев раннеклассовых обществ. Представляется, что последнее положение можно достаточно четко доказать лишь для поздних канонических образцов искусства данного региона, но абсолютизировать такие выводы вряд ли правомерно.

Пожалуй, статья Ю. И. Семенова «Эволюция религии: смена общественно-экономических формаций и культурная преемственность» (с. 198—243) более тонко и точно, чем предыдущая, трактует соотношение между идеологическими явлениями и развитием общественного бытия. Автор поставил перед собой огромную задачу — проследить общий ход развития религиозных учений и убеждений на протяжении всей доисторической и фиксируемой письменными источниками истории человеческого общества. Соотнося возникновение отдельных религиозных учений с определенными общественно-экономическими формациями, Ю. И. Семенов в то же время отмечает, что «только крупнейшие переломы в развитии социально-экономической структуры общества могли привести к изменению формы религии, да и то далеко не сразу... смена стадий в развитии религий могла происходить вне связи с изменением производственных отношений» (с. 204). К сожалению, обширная статья Ю. И. Семенова имеет скорее характер развернутых тезисов, многие положения в ней намечены лишь в самых общих чертах, что затрудняет ее общую оценку. В частности, понимание христианства только как уче-

[2] *Итина М. А.* К вопросу об отображении общественного строя в погребальных обрядах первобытных народов.— Сов. этнография, 1954, № 3, с. 63—68.

ния требует пояснений (с. 239). «Учения» Христа, Будды, наконец, Конфуция — это несомненные реальности, но представлять себе массовую религию, инспирированную определенной системой философских идей, как учение — правомерно ли это? Далее, положение о дезэтнизации поздних религий, несомненно, верно в отношении религиозных систем глобального диапазона, но те условия, в которых даже такие религии завоевывали для себя первых адептов, были обязательно связаны с определенной этнической средой. Более того, на примере буддизма мы сталкиваемся с явлениями вторичной и даже третичной этнизации религиозной системы (Китай, Япония, Тибет).

Заключает сборник статья Г. Е. Маркова «Структура и исторические типы образа жизни» (с. 244—261). Автор подробно анализирует определение понятия «образ жизни» — одного из кардинальных узловых терминов социологической науки; определяет его составляющие; характеризует взаимосвязь экономических, идеологических, социальных и духовных элементов и компонентов в этом сложном явлении, указывая, что их соединяют явления этнические (с. 245—246). В статье объясняется непосредственная связь между образом жизни и соответствующими общественно-экономическими формациями. Наиболее всестороннее выражение специфика образа жизни находит в «типах жизнедеятельности», которые представляют высшее звено в системе факторов, описывающих образ жизни: «он характеризует основные наиболее общие закономерности и признаки образа жизни всех обществ, принадлежащих к определенной общественно-экономической формации. Таким образом, определенному способу производства соответствует определенный тип жизнедеятельности» (с. 251). С таких позиций автор дает общую периодизацию образа жизни от первобытной эпохи до наших дней, переходя затем к конкретным характеристикам образа жизни в различные эпохи: по мере отдаления от первобытных эпох дифференциация форм образа жизни постепенно нарастает.

Разнообразие тематики, охватывающей значительный круг этнических и надэтнических проявлений культуры, смелость в постановке вопросов, широкий спектр проблем, получивших разрешение для различных этапов и узловых моментов этнической истории человечества, обращение к животрепещущим вопросам современности — все это представляет данный сборник статей как существенный вклад в развитие советской этнографической науки.

П. М. Кожин

Б. В. Андрианов. Неоседлое население мира (историко-этнографическое исследование). М.: Наука, 1985. 280 с.

В советской этнографической литературе впервые появилось интересное и оригинальное исследование, в котором с позиций теории хозяйственно-культурных типов (ХКТ) и историко-этнографических областей рассматриваются практически все народы, чей образ жизни не связан с прочной земледельческой оседлостью. Автор рассматриваемого труда, известный советский этнограф Б. В. Андрианов, широко подошел к трактовке понятия «неоседлое население», включив в эту категорию как народы, добывающие средства к существованию посредством присваивающих отраслей хозяйственной деятельности (охоты, собирательства, рыболовства) и стоящие на разных уровнях первобытно-общинных отношений, так и скотоводов, чей социальный строй характеризуется достаточно высокой степенью имущественной и социальной стратификации и предклассовой общественной структурой.

Обсуждаемые в книге проблемы имеют не только большое научно-теоретическое, но, что хочется особо подчеркнуть, и важнейшее практическое значение. Как известно, во многих странах Зарубежной Азии, Африки, Океании, Америки да и в других областях мира обитает до настоящего времени известное число неоседлого населения, дальнейшая историческая судьба которого имеет существенное значение для многих развивающихся стран. С этой частью населения мира связаны процессы постепенного перехода народов, ведущих присваивающее хозяйство, к земледельческой оседлости, складывания классовых отношений, оседания еще многочисленных скотоводов, играющих и по сей день немаловажную роль в политической и экономической жизни ряда стран Азии, Северной и Восточной Африки. Эти процессы порождают в свою очередь многие, еще нерешенные теоретические и практические проблемы, как то: в каком направлении развивать дальше хозяйство — по пути интенсификации скотоводства или перевода номадов на оседлость; по какому пути пойдет общественное развитие — по социалистическому, как считают прогрессивные ученые, или капиталистическому, к чему призывают буржуазные исследователи и политики.

Рецензируемая книга состоит из краткого Предисловия и Введения, после которых следуют два больших раздела, включающих ряд глав, заключение и указатели. Особенно хочется подчеркнуть ценность большого картографического материала, наглядно и убедительно иллюстрирующего рассматриваемые проблемы. В частности, особый интерес вызывают составленные автором книги карты форм подвижного неоседлого населения мира и типов сельского хозяйства Африки.

Во Введении автор определяет, что он понимает под термином «неоседлое население», и формулирует задачи книги, причем отмечает, что в центре его этнографического исследования находится рассмотрение форм годовой или сезонной подвижности, анализ обусловливающих подвижность факторов: уровня социально-экономического развития, характера традиционных занятий в конкретных природных условиях, различного их использования, этнических традиций (с. 5.)